

© 2026. Ю. В. Доманский

Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Россия; Самаркандский государственный университет им. Шарафа
Рашидова, г. Самарканд, Узбекистан

Пьесы А. П. Чехова в романе Гузели Яхиной «Эйзен»: как важно бывает то, что в скобках

Аннотация: Статья посвящена двум скобочным конструкциям в романе Гузели Яхиной «Эйзен». Обе конструкции отсылают к пьесам Чехова: первая — к «Вишневому саду», вторая — к «Трем сестрам». Исследуется, как хрестоматийные чеховские заглавия, оторвавшись от тех текстов, которые они первоначально номинируют, становятся в последующей культуре короткими самостоятельными текстами со своими смыслами, зачастую далекими от исходных смыслов пьес Чехова. И если отсылка к «Трем сестрам» у Яхиной ограничивается только смыслами заглавной формулы без подключения смыслов самой пьесы, то при обращении Яхиной к «Вишневому саду» актуализируется и ключевая ситуация чеховской комедии — вырубка сада. Это событие, вынесенное в финальную ремарку, не заложено в заглавную формулу как в автономный, отдельный текст, поэтому в данном случае можно говорить о смысловой отсылке не только к формуле «вишневый сад», а и к самой комедии. Между тем обе скобочные конструкции взаимодействуют, формируя систему, смыслы которой обогащают текст-реципиент — роман Яхиной «Эйзен». Через точки зрения персонажей реализуется авторская оценка бытия, где искусство и жизнь осмысливаются друг через друга.

Ключевые слова: драматургия, современный роман, А. П. Чехов, «Три сестры», «Вишневый сад», Гузель Яхина, «Эйзен», заглавие

Информация об авторе: Юрий Викторович Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл. 6, 125047 г. Москва; Самаркандский государственный университет им. Шарафа Рашидова, Университетский бульвар, д. 15, 140104 г. Самарканд, Узбекистан. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7630-2270>

E-mail: domanskii@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 28.10.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 08.12.2025

Дата публикации статьи: 25.03.2026

Для цитирования: Доманский Ю. В. Пьесы А. П. Чехова в романе Гузели Яхиной «Эйзен»: о том, как важно бывает то, что в скобках // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 1. С. 368–377. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-368-377>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 368–377. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 368–377. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Yuri V. Domanski

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Uzbekistan

A. P. Chekhov's Plays in Guzel Yakhina's Novel "Eisen": On the Importance of What's in Parentheses

Abstract: This article examines two parenthetical constructions in Guzel Yakhina's novel "Eisen." Both constructions allude to Chekhov's plays: the first to "The Cherry Orchard," and the second to "Three Sisters." It examines how classic Chekhovian titles, detached from the texts they initially reference, become short, independent texts with their own meanings in subsequent culture, often far removed from the original meanings of Chekhov's plays. While Yakhina's reference to "Three Sisters" is limited to the meanings of the title formula, without incorporating the meanings of the play itself, Yakhina's use of "The Cherry Orchard" also brings to life the crucial situation of Chekhov's comedy — the felling of the orchard. This event, presented as a final remark, is not embedded in the title formula as a standalone, separate text, so in this case, we can speak of a semantic reference not only to the formula "The Cherry Orchard" but also to the comedy itself. Meanwhile, both parenthetical constructions interact, forming a system whose meanings enrich the recipient text — Yakhina's novel "Eisen." The characters' perspectives demonstrate the author's assessment of existence, where art and life are understood through each other.

Keywords: drama, contemporary novel, A. P. Chekhov, "Three Sisters," "The Cherry Orchard," Guzel Yakhina, "Eisen," title

Information about the author: Yuri V. Domanski, DSc in Philology, Professor, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russia; Samarkand State University named after Sharof Rashidov, University Sq., 15, 140104 Samarkand, Uzbekistan. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7630-2270>

E-mail: domanskii@yandex.ru

Received: October 28, 2025

Approved after reviewing: December 08, 2025

Published: March 25, 2026

For citation: Domanski, Yu. V. "A. P. Chekhov's Plays in Guzel Yakhina's Novel 'Eisen': On the Importance of What's in Parentheses." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 1, 2026, pp. 368–377. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-368-377>

Пьесы Чехова в прошлом и нынешнем веках активно бытовали в культуре: цитаты, характеры, даже просто имена персонажей, сюжетные линии, символы и многое другое оказывалось в той или иной степени востребовано теми авторами, что пришли после Чехова. Исследователи не раз обращали внимание на примеры такого рода и в России, и за пределами нашей страны [См., например, обобщающие работы по данной проблеме: Катаев 2015; Катаев 2024].

В обращениях современных писателей к чеховскому драматургическому наследию можно отдельно говорить о рецепции и творческом освоении названий «главных» пьес Чехова — «Дядя Ваня» «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад». Зачастую, как это часто бывает с заглавиями классических произведений, они отрываются от тех текстов, которые изначально номинируют, и становятся текстами самостоятельными — совсем короткими, однофразовыми, а порою и однословными, но обладающими особыми и присущими зачастую только им смыслами¹. Получается так, что и названия чеховских пьес становятся формулами, для каждой из которых могут быть актуализированы самые разные смыслы, прочно зависимые от контекста и от намерений нового автора.

Мы обратимся к роману Гузели Яхиной «Эйзен» (2025), который представляет художественное (а потому отнюдь не строго претендующее на достоверность) жизнеописание знаменитого кинорежиссера Сергея Эйзенштейна. В тексте этого романа имеются отсылки к названиям двух драматургических текстов Чехова — к «Вишневому саду» и «Трем сестрам». Отсылки эти расположены совсем рядом, что позволяет рассматривать их в системе. Так, при художественном описании в «Эйзене» съемок фильма «Александр Невский» в числе прочего говорится

¹ Применительно к заглавиям рассказов Чехова см. об этом: [Доманский].

о том, как готовилось место для кинематографического воссоздания ледового побоища: «Съемки шли на окраине Москвы, у “Мосфильма”. Натурную площадку студии — тридцать две тысячи квадратных метров — превратили в русское полюшко. Вырубив для этого старый вишневый сад (шутки про чеховскую пьесу в первые же дни стали банальностью, а их повторение — моветоном)» [Яхина: 397]¹. И почти сразу же вслед за тем — следующий сегмент, отсылающий к «Трем сестрам» и превращающий подключение чеховской драматургии в романе Яхиной в мотив за счет повторения: «...с краю Ледового побоища срочно организовали медпункт и посадили дежурить аж трех медсестер (что породило уже новую волну острот о чеховской пьесе)» [Яхина: 398].

Заметим, у Яхиной оба раза в скобочных конструкциях заглавия чеховских пьес прямо не цитируются, но недвусмысленно актуализируется то, что можно назвать номинативной памятью, ведь оба раза перед нами возникает словосочетание «чеховская пьеса». И каждый раз предельно понятно, о какой именно пьесе, а главное — почему — идет речь. При этом относительно «Вишневого сада» вводится не только формульный смысл заглавия (пусть и прямо не процитированного), а также смысл, часто при обращении к заглавию чеховской пьесы не имеющий отношения к собственно ее тексту, но и упоминается и легко узнается одна из важнейших сюжетных ситуаций комедии — происходящая в четвертом действии вырубка сада новым владельцем. Заметим, что в самой чеховской пьесе это событие тоже присутствует как бы в скобках, только условных, драматургических, точнее даже в театральных скобках: во внесценическом пространстве. Событие это случается по ходу последнего действия через соносферу в ремарке («Слышно, как вдали стучат топором по дереву» [Чехов: 246]) и через реплики персонажей (например, обращение Ани к Лопахину: «Мама вас просит, пока она не уехала, чтобы не рубили сад» [Чехов: 246]). То есть самого этого события пришедший не спектакль «Вишневый сад» зритель не видит, оно происходит за сценой.

Особенно же показательно то, что последнее предложение «Вишневого сада», завершающее заключительную ремарку, транслирует именно

¹ Наверное, нельзя назвать случайностью то, что построенный в 2020-е гг. московский жилой комплекс с названием «Вишневый сад» возведен на Мосфильмовской улице — рядом с киностудией Мосфильм.

данное событие — уничтожение вишневого сада: «Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву» [Чехов: 254]. Такая сильная позиция делает вырубку вишневого сада предельно знаковым событием всей пьесы — даже не просто событием, завершающим сюжетную коллизию и тем самым расставляющим все точки над *i*, а событием, непосредственно подытоживающим все то, что было задано начальной сильной позицией — заглавием, а потом развернуто основным текстом. Таким образом, заглавная формула «вишневый сад» во всех ее смыслах (в том числе и в тех смыслах, что впоследствии возникают у данной формулы, как у короткого самостоятельного текста в тех или иных новых для себя контекстах) сводится к предельной конкретике: *вырубаемый* вишневый сад. В такой смысловой емкости формула «вишневый сад» продолжает жить и после Чехова, одновременно и соотносясь с текстом пьесы, и отрываясь от него в последующее самостоятельное существование в виде текста-формулы, где вишневый сад предстает как уничтожаемый, а в результате и уничтоженный.

Как представляется, такая семантика чеховской заглавной формулы оказалась в полной мере востребована в сюжетной ситуации романа Яхиной, когда для съемочной площадки фильма старый вишневый сад был вырублен. Обратим внимание и на то, что результатом — и планируемым, и достигнутым — оказалось поле — «русское полюшко».

Сама по себе метаморфоза сада в поле в физической реальности вполне возможна. Пусть она и не совпадает с той метаморфозой, что планировал чеховский Лопухин — создать на месте вишневого сада дачи — все же между полем и дачами есть и общие черты: и то, и другое является рукотворной заменой уничтоженному саду, и то, и другое способно приносить доход (в отличие от сада — в пьесе Чехова вишневый сад, напомним, лишь когда-то в прошлом был коммерчески успешен, теперь же, как говорит Лопухин, «вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает» [Чехов: 205]). А кроме того, в «Эйзене» Яхиной результат метаморфозы оказался не просто констатирован (сад стал полем), но свернулся в еще одну (наряду с вишневым садом) довольно-таки устоявшуюся формулу — «русское полюшко». Устоялась она в несколько иных версиях: «поле-полюшко» или «русское поле», но в любом случае сама эта формула прежде всего отсылает к ряду популярных песен: во-первых, «Поле-полюшко» 1933 г. (музыка Льва Книппера, стихи Виктора Гусева); во-вторых, соз-

данная для фильма «Новые приключения неуловимых» 1968 г. песня «Русское поле» (музыка Яна Френкеля, стихи Инны Гофф); в-третьих, написанная в 1988 г. песня «Русское поле экспериментов» Егора Летова. Данная формула во всех своих культурных проявлениях так или иначе соотносится с Россией, с Родиной. У Яхиной же появление «русского полюшка» придает всему эпизоду ироничный оттенок, подготавливая читателя к ироничному осмыслению ситуации с вырубленным вишневым садом (попавшему внутрь скобок). Именно эта довольно объемная скобочная конструкция сжимает хрестоматийную ситуацию финала чеховской пьесы, ситуацию художественную, сворачивает в то художественное осмысление физической реальности, каковым является весь роман «Эйзен», построенный как фикциональное воссоздание действительной биографии реального человека и всех тех событий, о которых так или иначе известно из разного рода документальных источников.

И в эту романную реальность — причудливо сочетающую в себе художественное и действительное — вторглась чеховская формула «вишневый сад», формула из мира сугубо фикционального, но при этом вышедшая в самостоятельную жизнь из текста-источника (комедии Чехова) и даже порою утрачивающая с текстом-источником связь, бытующая не только в художественных, но и вполне реальных контекстах. Итогом этого вторжения становится явленное заглавной чеховской формулой событие — вырубка сада. В скобочной же конструкции и эта формула, и событие, явленное через нее, завершаются и подводят итог всему случившемуся в ироничном аспекте, который уже был намечен формулой «русское полюшко». То есть конструкция в скобках как бы подытожила иронию, доведя ситуацию уничтожения сада для съемок «Александра Невского» в ее проекции на соответствующую ситуацию из чеховской комедии до полной редукции («шутки про чеховскую пьесу в первые же дни стали банальностью, а их повторение — моветоном»).

Между тем, на первый взгляд, навсегда завершенная этой скобочной конструкцией чеховская ситуация вдруг оказалась в романе Яхиной почти сразу продолженной, тем самым усилив и без того уже довольно-таки ярко представленный ироничный смысл — появившись три сестры. А «три сестры» — еще одна чеховская заглавная формула, вышедшая из мира драматурга в самостоятельную жизнь. Формула

«вишневый сад» в «Эйзене», как мы видели, реализовала и смыслы, присущие ей как короткому самостоятельному тексту, оторвавшемуся от источника, и смыслы, продиктованные финалом пьесы Чехова — событием вырубki сада. В случае же с тремя медицинскими сестрами из романа Яхиной от всей чеховской драмы «Три сестры» осталась только и сугубо формула заглавная. Вероятно, при желании можно бы было в тексте «Трех сестер» найти моменты, которые могли бы связать «Эйзен» с этой пьесой на более глубоких и широких — например, событийном или персонажном — уровнях, однако, по нашему мнению, такое соотнесение все-таки лежит за пределами данной скобочной конструкции.

Таким образом, приходится констатировать, что заглавие «Три сестры» в «Эйзене» оказалось востребовано лишь как автономная и оторвавшаяся от чеховского текста формула. В этой связи очевидно отличие данной скобочной чеховской конструкции в «Эйзене» от той, что отсылала к «Вишневому саду», отличие семантического характера. Во втором случае (с тремя сестрами) подключается только заглавная формула драмы Чехова как короткий самостоятельный текст, вышедший из-под контроля собственно текста пьесы и отправившийся в самостоятельное плавание по волнам культуры. В случае же первом (с вишневым садом) в роман Яхиной входит не только заглавная формула, но и событие из текста пьесы; и не просто событие, а то, которое с полным правом можно признать ключевым (вспомним указание на него в сильной позиции финала).

Однако несмотря на такую разницу, оба находящиеся совсем близко друг от друга скобочных чеховских сегмента вступают у Яхиной в системные отношения. И это отношения нарочито декларативные, ведь во втором сегменте отсылки к первому прямо эксплицируются: «что породило уже новую волну острот о чеховской пьесе» (Курсив мой. — Ю. Д.). Система эта обладает смыслами, которые оказываются способны существенно скорректировать восприятие данного эпизода романа «Эйзен», предложив ироничное его понимание и с точек зрения персонажей, и в авторской концепции. Важно здесь и то, что роман Яхиной по своей задумке претендует на нон-фикциональность: перед нами пусть и художественное, но описание жизни реального человека в контексте жизни страны; следовательно, можно говорить и о том, что в рассматриваемой системе скобочных конструкций искусство

(пьесы Чехова, заглавные формулы как автономные тексты) и жизнь (реально-исторический эпизод со съемок фильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский») осмысливаются друг через друга. Ирония же, которая является доминантой системы двух скобочных конструкций, со всей очевидностью вступает в корреляционные отношения с одной из двух названных пьес Чехова, благодаря ее жанровому подзаголовку. Конечно, речь идет о «Вишневом саде», определенном автором в подзаголовке как комедия. Сама ситуация уничтожения сада, его вырубки — событие в контексте пьесы Чехова драматичное, если не сказать — трагичное, даже трагическое. Ирония же по отношению к этому событию в «Эйзене» и смех, порождаемый и этим событием, и событием появления на съемочной площадке трех медицинских сестер (обратим внимание на слово «шутки» в первой скобочной конструкции и слово «остроты» во второй), переводят вырубку сада из драмы или даже трагедии в комедию. Думается, в этом можно видеть своеобразную реабилитацию современным автором и его персонажами той жанровой природы, что была обозначена Чеховым в подзаголовке к «Вишневому саду».

Таким образом, обе связанные с пьесами Чехова скобочные конструкции в романе Гузели Яхиной «Эйзен» не только формируют интересное ироничное смысловое поле в контексте эпизода съемок фильма «Александр Невский», но и своеобразно формируют рецептивные смыслы обоих текстов-источников, особенно — «Вишневого сада», жанровый подзаголовок которого будто бы оправдывается. Вместе с этим и «Три сестры» тоже осмысливаются в комическом ключе, хотя эта пьеса в подзаголовке номинирована автором как драма. Впрочем, вполне возможно, что судьба хрестоматийных заглавий, когда они уходят от своих текстов в автономное существование, заключается в том числе в актуализации разных видов комического. В романе «Эйзен» отсылающие к чеховским текстам-предшественникам конструкции, в силу заключения в скобки кажущиеся побочными относительно основного текста, оказываются способны корректировать в смысловом плане описываемое в тексте событие, а порою и те или иные кажущиеся привычными смыслы текста-источника.

Список литературы

Источники

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1975. Т. 13. 528 с.

Яхина Г. Ш. Эйзен: роман-буфф. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2025. 537 с.

Исследования

Доманский Ю. В. К вопросу о чеховских заглавиях в современном мире: альбом «Одинокому везде пустыня» рок-группы «Звери» // Территория словесности: сборник в честь 70-летия профессора И. Н. Сухих. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 229–240.

Катаев В. Б. Чехов современный // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 5. С. 76–85.

Катаев В. Б. Чехов продолжается // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 6. С. 28–36.

References

Domanskii, Iu. V. “K voprosu o chekhovskikh zaglaviiax v sovremennom mire: al'bom ‘Odinokomu vezde pustynia’ rok-gruppy ‘Zveri’.” [“On the Issue of Chekhov’s Titles in the Modern World: The Album ‘For the Lonely, Everywhere is a Desert’ by the Rock Band ‘Zveri’.”] *Territoriia slovesnosti: sbornik v chest’ 70-letiiia professora I. N. Sukhikh* [Territory of Literature: A Collection in Honor of the 70th Anniversary of Professor I. N. Sukhikh]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022, pp. 229–240. (In Russ.)

Kataev, V. B. “Chekhov prodolzhaetsia” [“Chekhov Continues”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia*, no. 6, 2024, pp. 28–36. (In Russ.)

Kataev, V. B. “Chekhov sovremennyi” [“Modern Chekhov”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia*, no. 5, 2015, pp. 76–85. (In Russ.)